

Он услышал, как Сакура пробормотала.

—О-о-о.

Они разжали мизинцы и обернулись, чтобы увидеть, как остальные присутствующие смотрят на них. Сакура посмотрела между ними и спросила.

—Это ведь не означает ничего плохого? В последний раз, когда вы двое проводили одно из ваших соревнований, Цунаде пришлось послать кого-то, чтобы найти вас, а когда они не нашли, ей пришлось заплатить из своих собственных средств, чтобы заменить те окна.

Какаши махнул рукой, успокаивая ее.

—Ма, ма, ничего подобного. Цунаде вообще не стоит беспокоиться.

Куренай посмотрела скептически.

—Ты уверена?

Гай показал ей большой палец вверх и сверкнул улыбкой.

—Не волнуйтесь! Мы пообещали больше не вступать в бесплодное соперничество! Отныне огонь нашей молодости будет проявляться в пыли сражений и на тренировочных полях!

Несколько пар глаз расширились при этом заявлении. Одинокий глаз Какаши тоже расширился. Он не ожидал, что Гай так гордо объявит о конце. Но ведь Гай не знал, что это конец? Какаши решил добавить это к своей записке. Прости, что не сказал тебе, что это конец.

Словно обладая какой-то особой сенсорной способностью, ребенок начал плакать. Какаши был уверен, что это совпадение, а не экстрасенсорные способности. Вполне уверен. Куренай забрала ребенка и стала успокаивать его тихим шепотом любви. На него было ужасно больно смотреть. Какаши заставлял себя держаться за каждую секунду.

Шикамару выглядел так, словно не знал, испытывать ли ему облегчение или беспокойство.

—Похоже, каждый высказал все, что хотел. Может, начнем службу?

Куренай подняла на него глаза и кивнула. Шикамару торжественно встал и ушел в темноту.

Независимо от того, сказали ли остальным о том, что будет служба, они все как один

двинулись прочь от надгробия Асумы. Какаши отошел вместе с ними. Шикамару вернулся с цветами, по букету для каждого. Он также держал свечу и фотографию под мышкой. Он раздал цветы всем остальным, оставив один лишний букетик себе, так как руки Куренай-сенсей были заняты, и поставил свечу на надгробие Асумы. Он зажег свечу от одного из фонарей и установил рядом с ней на камне фотографию Асумы. Он поправил фотографию, несколько раз меняя угол наклона, пока в мерцающем свете лицо Асумы не стало казаться живым. Бородатое лицо Асумы улыбалось им с фотографии, сделанной, видимо, незадолго до его последнего задания. Сигарета, которую он всегда держал при себе, свисала с его губ, и он смотрел в сторону фотоаппарата, слегка забавляясь тем, кто его снимал. Он расслабился, раскинув руки, чтобы прикрыть спинку дивана. Если и существовал способ сфотографировать личность, то тот, кто делал этот снимок, нашел его.

Шикамару отступил назад, чтобы присоединиться к Куренай сенсею. Не успела наступить тишина, как в темноте послышался хруст травы. К ним присоединились Ино и Чоджи, оба в старых серьгах, оставшихся со времён их работы в Команде 10, и с большими, но со вкусом подобранными букетами цветов из цветочного магазина. Остановившись и опустив головы в знак памяти, они, казалось, почувствовали, что пришли как раз вовремя. В тишине собравшиеся наблюдали, как мерцающий свет играет на лице Асумы. Ребенок суетился, издавая тихие лепечущие звуки, но никто не обращал на него внимания. Эти звуки, казалось, придавали событию горько-сладкую ноту.

Через несколько минут Куренай обратилась к Саске и жестом показала на камень. Щеки Саске покраснели, он нерешительно подошел и положил цветы перед фотографией Асумы. Он приостановился, решил, что все в порядке, и прошептал что-то могиле Асумы, после чего встал и присоединился к остальным. Какаши задался вопросом, что на этот раз было на уме у его бывшего ученика, так как Саске смотрел на камень, казалось, погрузившись в раздумья.

Сакура пошла следом, за ней Какаши, потом Гай.

Ино, Шикамару и Чоджи шли вместе, чтобы положить свои цветы. Ино положила цветы в левый нижний угол, Чоджи - в правый, а Шикамару положил свой букет немного впереди камня Асумы в центре. Он сказал несколько тихих слов о стабильности треугольника, о том, что ни один из углов не может существовать без каждого из остальных, и что они всегда будут Командой 10. Ино и Чоджи закрыли глаза, чтобы вспомнить.

Наконец Куренай вышел вперед. Перед тем, как Шикамару возложил свои цветы, он передал ей букет цветов, с которым она сейчас подошла. Их положили на камень Асумы вместе с остальными; они не были самым важным, что она принесла. Куренай осторожно положила ребенка на землю рядом с цветами Шикамару, проверяя, хорошо ли малыш видит лицо Асумы с этого ракурса. Казалось, все было в порядке.

Когда она поддерживала ребенка, в том числе держала его голову так, чтобы малыш мог видеть картинку, он вопросительно ворковал. Руки ребенка неопределенно потянулись в сторону Асумы. Куренай приподняла его над цветами, чтобы он мог дотронуться до фотографии. Его маленькие ручки обхватили нос и рот Асумы, а один пальчик потянулся к его глазу. Куренай стояла спиной к ним, но в ее голосе слышались слезы, когда она прошептала.

—Это твой отец. Он очень любил тебя.

Ребенок продолжал неуклюже тянуться, затем зевнул. Куренай взяла его на руки, продолжая стоять на коленях перед могилой Асумы.

Ино и Чоджи придвинулись к ней поближе. Шикамару оглянулся на Сакуру, Саске, Какаши и Гая и поднял руку в небрежном жесте "делайте, что хотите". Сакура и Саске посмотрели друг на друга, обменялись выражениями лиц и в конце концов решили оставить Команду 10 и Куренай наедине. Какаши и Гай задержались на несколько минут, ведь когда-то они были товарищами Асумы, а потом ушли, не проронив ни звука.

Какаши почувствовал, что контроль над собой начинает ослабевать, но удержал его. Даже сквозь дымку боли, которая грозила вылиться наружу в виде слез, его решимость не ослабевала. Он не собирался открывать свои чувства и прогонять тьму ни на сантиметр до того, как минует стены Конохи. Улицы и секунды исчезли, и через мгновение Какаши стоял перед собственной входной дверью.

Онемевшими пальцами он схватил приготовленную сумку - пальцы, которые необъяснимым образом вспыхнули, словно в огне, когда он взял в руки перо. В следующее мгновение Какаши приложил перо к бумаге, и слова просто полились на страницу.

—Дорогие все, я люблю вас и хотел бы остаться с вами навсегда, но к сожалению не могу. Я, конечно не смогу понятно объяснить, что я имею в виду, но мне нужно кое-что вам передать. А дело вот в чем.

— Я перерос эту деревню. Я не могу остаться, так же как ни один ребенок не может навсегда остаться в рамках жизни своего родителя. У меня есть нечто, о чем никто не знает, и мне жаль. Мне жаль, что я, которого ты любил - это только часть меня. Это единственная часть меня, которая у меня была до сих пор. Есть еще что-то, но это слишком опасно. Я должен покинуть эту деревню, чтобы найти ее, и я никогда не смогу вернуться. Я всегда знал, что мне здесь не место, но я остался ради тебя. Теперь я тоже ухожу ради тебя. Я скучаю по тебе.

—Гай, прости, что не сказал тебе, что это конец.

—Куренай, Шикамару, спасибо, что дали мне возможность вспомнить прошлое, прежде чем я окунусь в такое далекое будущее. Это было прекрасно. Простите.

—Не волнуйся за меня больше, чем заставляют тебя твои узы. Я не буду одинок.

Почерк Какаши становился все ровнее, слезы падали на страницу и впитывались в нее. Они придавали подлинность его словам, словам, которые, как он был уверен, никто из тех, кому он оставил эту записку, не смог бы правильно понять. Возможно, благодаря такому доказательству, впитавшемуся в бумагу, они когда-нибудь смогут понять те чувства, которые он пытался передать. Когда-нибудь, когда он будет настолько далек от того, кем и чем он был

сейчас, что эта часть его жизни покажется странным сном. Возможно, это и был сон. Сны всегда казались такими реальными, когда они снились. Во всяком случае, его чувства были реальными. Это имело значение.

Перед тем как открыть окно, Какаши в последний раз сильно вдохнул аромат помещения, которое он долгие годы называл своим домом. В жилых районах Конохи был слишком велик риск, что его увидят, если он уйдет обычным путем. Единственная и неповторимая вещь, которую он перестал бы сдерживать, прежде чем покинуть Коноху, заключалась в следующем. Какаши схватил темноту и обхватил её вокруг себя, создавая идеальный кокон, который не позволит никому ни увидеть, ни учуять, ни услышать. Он отпустил окно.

Его ноги полетели, а тьма сомкнулась вокруг него.

Он не позволял своим чувствам ослабнуть, чтобы компенсировать это. Придется действовать вслепую. Быстро пройдя через деревню, он вскоре достиг окраины.

Охрану этой территории невозможно было преодолеть никому другому. В темноте, окружавшей его, он прошел, не оставив никаких следов. Какаши знал расположение этих камер и сбросил плащ, чтобы заглянуть в них. Когда он нашел того, кого искал, он развернул тьму и усадил их обоих.

Его собеседник был в меру впечатлен.

—Чудесная у тебя техникаю

Пробормотал Орочимару.

—Ты готов?

Казалось бы, не лучшее место для такого вопроса, но для Какаши это было самое подходящее. Он кивнул и сглотнул. Они взбежали прямо на стену, окружающую деревню Коноха, и спрыгнули с нее.

Когда ноги покинули уютную гладкую поверхность внешней стены и вышли на вольный воздух, Какаши позволил своему естественному восприятию распространиться вовне.

Ночь взорвалась ясностью, каждый уголок, каждая линия и изгиб стали совершенно, абсурдно подробными. Каждое лицо, каждая грань окружающего мира ощущались его душой. Впервые с тех пор, как он был ребенком, Какаши мог воспринимать все. Лес под ним был светлым маяком, далекое святилище - кромешной тьмой. Воздух был живым. Он был...

Несколько охранников, дежуривших в ту ночь, должны были раз в две недели проходить психиатрическое обследование в течение нескольких месяцев после того, как они сообщили о

драконе, взлетевшем с западной стены.

<http://tl.rulate.ru/book/94930/3191928>